

В. П. ОВСЯННИКОВ

СЛОВО ПАМЯТИ АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТИЯ (ПРОСВИРНИНА)¹

*Блаженны мертвые, умирающие в Господе;
ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих
и дела их идут вслед за ними*

(Откр. 14, 13)

14 июля 1994 года, в четверг, то есть в будний день (память святых бессребреников Космы и Дамиана), в Новоспасском ставропигиальном мужском монастыре в Москве было необычно многолюдно. Так многолюдно, как бывает здесь только в большие церковные праздники. В тот яркий солнечный день монастырь-мученик, монастырь-исповедник принимал в свою землю светлые останки еще одного мученика, исповедника: обитель впервые после ее открытия в 1991 году совершала чин погребения — она хоронила одного из своих братьев, архимандрита Иннокентия, человека чистой души, высоких и творческих дарований.

Архимандрит Иннокентий (в миру Анатолий Иванович Просвирнин) скончался 12 июля — в день памяти святых правочерных апостолов Петра и Павла. Накануне отец Иннокентий служил в обители всенощное бдение. Наутро он готовился совершать позднюю Божественную Литургию. В самый праздник, выполнив обычное молитвенное правило, он вышел около семи часов утра из келлии, чтобы, как он сказал, пойти причастить одного больного. Внезапно на монастырском

¹ Данное слово, написанное вскоре после кончины архим. Иннокентия, осталось неопубликованным. В редакцию журнала «Богословский вестник» слово передано Константином Христовичем Мейханидисом (Афины, Греция), находившимся в близких дружеских отношениях и с митроп. Питиримом, и с архим. Иннокентием. Все примечания принадлежат редакции.

дворе ему стало плохо. Один из послушников, оказавшийся рядом, бросился к нему на помощь. Уже на лестнице, ведущей на второй этаж наместничьего корпуса, где находилась его келья, архимандрит Иннокентий потерял сознание и упал... Отца Иннокентия осторожно отнесли наверх, вызвали скорую помощь. Но «скорая» прибыла уже после того, как таинство смерти свершилось...

Кончина отца Иннокентия была удивительной, поистине безболезненной, непостыдной, мирной — как о том мы молимся за каждой Божественной Литургией и за каждым Всенощным бдением. В жизни он горел светлым и чистым огнем и скончался — словно бы ярко вспыхнул и тотчас сгорел... Сгорел быстрее, чем сгорает обычная церковная свеча. Кончина была почти мгновенной. Так уходят из жизни люди с чистой совестью и незамутненной душой.

Таким он всегда и был, таким его знали в Москве, в Издательском отделе Московского Патриархата, в подмосковном Сергиевом Посаде, где находится Троице-Сергиева Лавра и Московские духовные академия и семинария, и во многих других городах и селениях России и за ее пределами, в ближнем и дальнем зарубежье.

* * *

В Москву Анатолий Просвирнин приехал в 1958 году со своей родины, из Омска, после школы-десятилетки поступать в Московскую духовную семинарию. Тогда Семинария находилась в стенах Лавры и в тех же корпусах, в которых была Академия. Его приняли во второй класс (в Семинарии, в отличие от Академии, не курсы, а классы). Его теоретическая и практическая подготовленность была для того более чем достаточной. В Семинарии он сразу обратил на себя внимание не только высоким ростом, густой копной темно-русых волос и синими глазами. Привлекали к нему его серьезность, искренность, рассудительность, глубокое знание церковных правил и традиций, а также церковной службы, в том числе архиерейской; ему были присущи доброта, открытость, преданность избранному делу и предстоявшему служению.

Он родился 5 мая 1940 года в традиционно верующей православной семье Ивана Демьяновича и Марии Михайловны Просвирниных,

ныне покойных. Его мать незадолго до своей кончины приняла великую схиму с сохранением прежнего имени.

До поступления в Семинарию Анатолий был алтарником, затем иподиаконом сначала у епископа Венедикта (Пляскина; † 30 апреля 1976 г.) в Омске, позже у епископа (впоследствии архиепископа) Вениамина (Новицкого; † 14 октября 1976 г.) также в Омске, а потом и в Иркутске.

Через год после поступления в Семинарию Анатолий был призван в Советскую армию. Три года служил в Азербайджане. Свой гражданский долг он выполнил на отлично. От воинских начальников получил много благодарностей: и выраженных формально, и высказанных по-человечески просто и сердечно. После армии он вернулся в Семинарию.

Ему, как и всем другим нашим семинаристам, призванным в армию в те же годы, в конце 50-х и в 60-е, пришлось выдержать на своих юношеских плечах тяжелый груз оголтелой хрущевской атеистической, а точнее — антицерковной пропаганды, доведенной в Советской армии до абсурда. Статья 58-я тогдашнего УК РСФСР уже не применялась огульно по отношению к верующим и к деятелям Церкви, но принадлежность к Церкви тем не менее считалась признаком неблагонадежности. Так называемая «хрущевская оттепель» в то время принесла Церкви новые неисчислимые беды. Именно в 50-е—60-е годы и позже тысячи храмов, десятки монастырей, множество различных церковных учреждений были насильственно закрыты или отобраны у Церкви. За Церковь в целом и за отдельными ее деятелями был установлен тотальный надзор. Церковь была поставлена в униженное положение хитроумно отделенной от государства организации, фактически без серьезных прав на существование. И все же Церковь жила и в этих невероятных условиях. И выжила! Другое дело — чего ей это стоило!

Тяготы воинской службы морально и духовно закаляли будущего воина Христова. Но здоровье подорвали: образовалась язва в желудке, позже и сердце стало беспокоить — начались постепенно углублявшиеся приступы стенокардии.

1963 год оказался для Анатолия переломным.

23 мая 1963 года, в праздник Вознесения Господня, была совершена хиротония ответственного редактора «Журнала Московской Патриархии» архимандрита Питирима (Нечаева) во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. Одновременно на епископа Питирима были возложены, согласно патриаршему и синодальному определению, обязанности Председателя Издательского отдела Московского Патриархата. В тот же день за Божественной Литургией Анатолий Просвирник стал иподиаконом преосвященного Питирима и тогда же начал свои труды в Издательском отделе и в редакции «Журнала Московской Патриархии». Этим трудам он отдал 30 лет, то есть больше половины своей не столь долгой, но прекрасной жизни.

Это были годы тесного, доброго, искреннего и многополезного сотрудничества двух безусловно талантливых людей, всецело посвятивших себя Церкви. Анатолий (а потом Иннокентий) весьма много воспринял от владыки Питирима (впрочем, не он один). Все лучшие задатки отца Иннокентия, все таланты его души и его сердца раскрылись под умелым водительством этого щедро одаренного Богом архиерея: это особо бережное отношение к святыне; благоговейная строгость и мерность при совершении богослужений; любовь к порядку и чистоте во всем, наипаче в том, что касается храма и совершаемых в нем служб; умение видеть проблему и правильно, своевременно ее решить; редкий дар общения с людьми; умение находить прекрасное даже в малом; талант терпения, способность проявить в нужный момент выдержку; умение ждать и не форсировать событий, а с другой стороны, быть быстрым и энергичным; умение быть одновременно и бережливым, и щедрым хозяином-руководителем; это любовь к иллюстрации и умение в совершенстве владеть фотоаппаратом и другой техникой журналиста; профессиональное видение текста и исключительная способность работать с текстом быстро и весьма качественно... Отец Иннокентий снимал прекрасно, на высоком уровне. И, в частности, одну из последних своих съемок он сделал за несколько месяцев до кончины — на горе Синай. Позже в своей келье он показал автору этих строк слайд-фильм о том месте на Синае, где пророк Моисей принял Скрижали Завета — Десять Заповедей Божиих.

Духовное возрастание Анатолия совершалось под влиянием семьи Нечаевых, к которой принадлежал владыка Питирим. Глава этой большой семьи, протоиерей Владимир Нечаев, был потомственным священником: по духовной линии род Нечаевых насчитывает 300 лет. Отец Владимир — новомученик Церкви Российской: в 30-е годы он был репрессирован и сослан в длительную ссылку. Мать семейства, Ольга Васильевна, была дочерью священника. После ареста отца семья оказалась на бесправном, а потому особенно страшном в то время положении семьи «врага народа». В семье следовали исконно русским православным традициям и обычаям. Братьев и сестер Нечаевых, также как и отца, и мать, отличали широкая образованность, общая высокая культура. Анатолий был принят в дом Нечаевых — в дом владыки Питирима — как родной и прожил в нем несколько лет.

После Семинарии была Академия. Научные интересы Анатолия определились еще до Академии. Монашество, старчество, миссионерство, церковные архивы, издательская деятельность Церкви, книжность на Руси с древнейших времен. Его призвание как историка Русской Православной Церкви выявилось с очевидностью. Церковным архивам он придавал особое значение, считая их, по справедливости, первоисточниками и обращенность к ним — важнейшим делом для историка. Это определяло и планы его научной и редакционно-издательской деятельности: работу в библиотеках, музеях, по возможности — в архивах, творческие поездки по стране и за рубеж. Из своих поездок он всегда привозил ценнейшие материалы, что составило, в свою очередь, уже его личный, по существу бесценный и необъятный архив.

Свою первую солидную научную работу — курсовое сочинение (или диссертацию) — он посвятил Оптиной Введенской пустыни и по окончании Академии был удостоен за нее степени кандидата богословия. Он был оставлен в Московских духовных школах преподавателем истории Русской Православной Церкви².

² О научных занятиях архим. Иннокентия см. также выше в статье Д. В. Сафонова «Обзор архивных источников по истории Московских духовных школ в послевоенный период» (С. 634).

Это было в 1968 году. А двумя годами раньше, 1 апреля 1966 года, он был назначен редактором, заведующим двумя отделами (проповеди и богословским) «Журнала Московской Патриархии». В конце 1975 года, в бытность его протоиереем, он был введен в состав редколлегии ежегодного сборника «Богословские труды». Позже, в конце 1976 или в начале 1977 года, он был назначен заместителем главного редактора по научной работе.

С приходом нового редактора заметно изменилось лицо журнала. На еженедельные редакционные совещания он приносил горы интереснейших материалов, которых всегда хватало более чем на целый номер, а иногда и на несколько номеров. Интенсивной была и его авторская работа: статьи, библиографические исследования, публикации преимущественно исторического, историко-археологического, литургического характера. Некоторые статьи и материалы были опубликованы под псевдонимом А. Вольгин. В основу псевдонима было положено имя Ольга — имелась в виду святая равноапостольная великая княгиня Российская Ольга, которую отец Иннокентий очень чтит и посвящал ей статьи на страницах журнала.

4 февраля 1970 года, в день памяти апостола Тимофея и в день 25-й годовщины интронизации Святейшего Патриарха Алексия I, Анатолий Просвирнин был рукоположен преосвященным Питиримом во диакона, а 22 февраля того же года, в день празднования обретения мощей святителя Иркутского Иннокентия, — во пресвитера. 27 декабря 1977 года отец Анатолий был пострижен в Троице-Сергиевой Лавре в монашество с именем в честь святителя Московского Иннокентия († 31 марта 1879 г.), одного из великих российских подвижников-миссионеров, апостола Америки и Сибири, прославленного в лике святых 23 сентября/6 октября того же 1977 года. Постриг совершил одноклассник отца Иннокентия по Семинарии, наместник Лавры архимандрит Иероним (Зиновьев). Так отец Иннокентий был принят в братство обители Сергиевой. В 1978 году он был возведен в сан игумена, в 1981 удостоен сана архимандрита.

Помимо журнала и «Богословских трудов» он участвовал в работе над многими изданиями, так же отдавая этой работе всего себя, всю свою энергию, все таланты и силы своей души. Полностью перечис-

лить все, что было сделано отцом Иннокентием, здесь не представляется возможным — в итоге получится не слово, не статья, а книга. Ибо необходимо упоминать не только о том-то и о том-то, но непременно анализировать все им сделанное и обязательно отмечать в проделанной работе то оригинальное и новое, что можно назвать счастливыми находками отца Иннокентия — талантливого редактора, автора, историка, археографа, агиографа, архивиста...³ Отметим лишь наиболее значительное в его работе.

Во-первых, это подготовка к печати Библии издания 1968 года (фактически Библия вышла в свет в 1969 году). С его участием были подготовлены вклады с иконами и картами, отработан список сокращенных названий книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Была проделана и другая работа. Одной из его интересных находок был древний новгородский крест, помещенный впервые на обложке и титульном листе этой Библии и затем воспроизводившийся практически на всех изданиях, выпускавшихся Издательским отделом (разумеется, там, где необходимо было помещать крест). Этот крест в Издательском отделе нередко называли иннокентьевским. Особенность этого креста — его пропорциональность.

Издание Нового Завета 1976 года также осуществлялось с его участием: вычитка всего текста, выверка параллельных мест, подготовка оригинальных иллюстраций на форзацы...

Значителен вклад отца Иннокентия в многотомное издание «Настольной книги священнослужителя», прежде всего — это том 2-й и том 3-й, содержащие месяцеслов житий святых Православной Церкви. В «Журнале Московской Патриархии» (1979, № 6) в библиографической заметке, посвященной выходу в свет 2-го тома (о 3-м томе, к сожалению, нет публикации в журнале), говорилось: «Работу над книгой выполнили преподаватели и студенты Московских Духовных школ и сотрудники Издательского отдела Московского Патриархата под руководством игумена Иннокентия (Просвирника)». В предисло-

³ См. ниже интервью Д. В. Сафонова с Н. Л. Лисовым: «Долг неоплатный» (С. 982–1006). В этом интервью дается целостный и живой взгляд на многогранную деятельность архим. Иннокентия.

вии ко 2-му тому отмечалось, что в месяцеслове учтены все основные достижения русской агиографии (на конец 1970-х годов). В числе этих достижений — творческие находки и отца Иннокентия.

Особо следует сказать об издании богослужебных Миней (или месячных Миней), предпринятом по инициативе архиепископа Волоколамского Питирима в связи с 1000-летием Крещения Руси. Для подготовки этого издания была создана творческая рабочая группа, называвшаяся «Минейной группой».

Отец Иннокентий проделал большую работу над месячными Минейми. Ему принадлежала идея включения служб русским святым в корпус месячных Миней, и он сам выполнил всю работу над этими службами. Правда, сначала отец Иннокентий выступил с предложением издать отдельно собрание служб русским святым. Но на одном из расширенных редакционных совещаний его участники говорили о том, что на клиросах в храмах неудобно пользоваться двумя разными книгами, намного удобнее будет, если службы русским святым окажутся включенными в одну книгу — в традиционную Минею. Так и было сделано.

В связи с выходом в свет первых двух — сентябрьской и октябрьской — Миней (соответственно в сентябре 1979 и июле 1980 года) игумен Иннокентий рассказал в «Журнале Московской Патриархии»⁴ о подробностях этой чрезвычайно обширной работы.

И если месячные Минеи по праву можно назвать делом всей жизни отца Иннокентия, то тем более это определение приложимо к другой грандиозной работе — к 10-томной «Русской Библии», или «Иллюстрированной Библии» (восемь томов собственно Библии и два тома приложений и научных комментариев). Работа над этим уникальным изданием продолжалась, как говорил отец Иннокентий, 20 лет, в том числе 7 лет подготовки собранного материала к печати. При жизни отца Иннокентия свет увидели только два тома, 7-й и 8-й, включающие в себя все книги Нового Завета.

«Русская Библия» состоит из двух параллельных текстов. Основной текст — это Библия 1499 года. Обычно ее называют «Геннадий

⁴ *Иннокентий (Просвирнин), игум.* К юбилею Русской Церкви // ЖМП. 1980. № 9. С. 80.

евской» по имени святителя Геннадия, архиепископа Новгородского († 1505 г.), хотя более точно следовало бы назвать эту Библию «Геннадиево-Иосифовской», ибо в работе над ней принимал участие просвещеннейший муж — преподобный Иосиф Волоцкий († 1515 г.), друг и сподвижник святителя Геннадия.

Библия 1499 года — это первый полный свод библейских книг на Руси. До названного времени на Руси имели хождение лишь отдельные книги Святой Библии или части книг, включавшиеся в различные сборники, предназначенные для духовно-назидательного чтения.

Безусловная ценность этой Библии в том, что она является прототипом целого ряда впоследствии издававшихся Библий на Руси: Острожской (1581), Елизаветинской (1751) и иных — тех, что мы называем Библией на церковнославянском языке и книги которой используются у нас за богослужением. Эта Библия явилась также основным, базовым текстом для Библий всех славяноязычных стран.

Второй, параллельный текст — это всем нам хорошо известный синодальный перевод Библии на русский язык, заверченный к 1876 году и опубликованный в 1877. Работа над этим переводом была начата в 1860 году большой группой профессоров — ученых, богословов, а также студентов четырех духовных академий под руководством и при участии великого российского иерарха, митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова, † 1867 г.). 4 декабря 1994 года Архиерейским Собором он прославлен в лике святых.

Русская Библия отца Иннокентия богато иллюстрирована книжными миниатюрами и орнаментами, взятыми из библейских книг русской рукописной традиции с X по XX век. Митрополит Питирим назвал это издание Библии антологией русской книжной миниатюры и каллиграфии.

Мало кто знает о том, сколько сопровождало эту неповторимую работу трудностей, проблем, препятствий: финансовых, организационных, производственных и иных — и сколько невероятных усилий потребовалось отцу Иннокентию приложить к тому, чтобы все их преодолеть... Об этом знают лишь его помощники по работе (в их числе — Ольга Курочкина), некоторые родственники (например, Виктор Казанцев, кандидат богословия) и ближайшие друзья... Во всяком слу-

чае, поразительная научная интуиция и духовное видение отца Иннокентия оказались на редкость точными, верными во всех отношениях. И не только потому, что здесь соединены вместе две русские Библии разных времен (каждая из них по-своему является первой), не только потому, что это издание вновь напоминает нам о величайших в нашей российской истории именах, но и потому, что этот труд дает всем нам редкую возможность как бы прикоснуться к нашим духовным, священным корням...

Значительной была доля участия отца Иннокентия в совместном с издательством «Аврора» изданиях Евангелий Апракос — Остромирова и другого, несколько более позднего по времени его создания, Мстиславова — с научным сопровождением.

В жизни и работе он был первооткрывателем, особенно в церковной науке и в редакционном послушании. Он заново как бы открывал то, чего мы просто не знали, или что-то основательно забыли, или на что был наложен конъюнктурный запрет советской властью, но о чем мы, люди церковные, должны помнить и что мы обязаны знать или на что мы обязаны по-новому взглянуть. Это — Оптина Введенская пустынь и Русский Пантелеимонов монастырь на Святой Горе Афон, Троице-Сергиева Лавра и обитель преподобного Иосифа Волоцкого (к слову, книга-альбом о Сергиевой Лавре, выпущенная отцом Иннокентием в 1987 году и посвященная им 1000-летию Крещения Руси, остается непревзойденной да и, наверное, останется таковой в ряду подобных изданий). Это — святая равноапостольная княгиня Ольга, святой равноапостольный архиепископ Японский Николай и святой митрополит Московский Иннокентий; это — святители Сибирские: Тобольский Иоанн, Иркутский Софоний, Иркутский Иннокентий I; это — епископ Чигиринский Порфирий (Успенский), викарий Митрополита Киевского, и архимандрит Макарий (Глухарев), архимандрит Леонид (Кавелин) и архимандрит Антоний (Капустин); это — священник Павел Флоренский и многие, многие другие российские подвижники духа, подвижники науки, миссионеры, новомученики, имена и труды которых он прекрасно знал и кого он глубоко и молитвенно чтит. Это также — Куликовская битва и Великая Отечественная Война 1941—1945 годов...

Он был историком в буквальном смысле этого слова (греческое *ιστορία* означает «исследование, расспрос»). Отец Иннокентий воспринял идею русской святости, идею особого значения святых в истории Церкви через Василия Осиповича Ключевского, через Митрополита Московского Макария (Булгакова), через архиепископа Харьковско-го Филарета (Гумилевского) и других отечественных православных историков: история Церкви — это история ее святости, это история ее святых. Святитель Московский Филарет (Дроздов) говорил: «Церковная история — это общее святилище, питающее не ум только, но и сердце». Свидетельства такой истории, свидетельства святости отец Иннокентий искал всегда и везде находил их. В этом смысле он остался верен себе до конца. И в Московских духовных семинарии и академии, где отец Иннокентий был преподавателем, а затем доцентом, он учил именно такой истории. Об этом было сказано в одном из слов в его память в день его погребения.

Диапазон научной и общественной работы отца Иннокентия был весьма широк. Он активно участвовал в деятельности ряда фондов, комитетов, комиссий, в частности, был членом Археографической комиссии Академии наук СССР (теперь Российская Академия наук). Его не сразу туда приняли: в те застойные годы такое было практически невозможно: монах, священник — в Академии наук! И все-таки приняли. И потом давали ему самые высокие оценки, самые прекрасные характеристики и как ученому, и как человеку, и даже как священнику. Его постоянно приглашали на различные конференции, симпозиумы, диспуты как в нашей стране, так и за ее пределами.

Чрезвычайно важное значение отец Иннокентий придавал тому, кто назначался на ту или иную церковную должность в Издательском отделе, кому поручалась та или иная редакторская или авторская работа. На редакционных совещаниях, если начиналось новое дело, он всегда спрашивал: «Чьими руками это будет делаться?», — имея в виду то, что всякое церковное дело должно выполняться человеком церковным, а это значит — с руками добросовестными и с чистым сердцем.

Как архимандрит он нес череду служения в домово́й церкви преподобного Иосифа Волоцкого в Издательском отделе. Его ти́цанием, его

трусами был приобретен для этого храма прекрасный старинный колокол, в который звонили перед началом Божественной Литургии (совершавшейся в храме еженедельно), за Литургией к «Достоинно...» и перед всяким другим богослужением в том же храме.

За церковные заслуги архимандрит Иннокентий был удостоен Священноначалием высоких наград — орденов святого князя Владимира и преподобного Сергия Радонежского II степени.

Сделано было отцом Иннокентием чрезвычайно много. Когда и как он все успевал? К сожалению, многое осталось незавершенным, нереализованным.

Не удалось завершить и издать книгу-альбом «Афон» — совместную работу Академии наук и Издательского отдела (по результатам научной экспедиции группы под руководством отца Иннокентия на Святую Гору Афон незадолго до празднования 1000-летия Крещения Руси).

Им был собран материал для книги «Русская Православная Церковь. 1941—1945 гг. (Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне)». Не хватило времени и сил, а также главного, что требовалось для этой книги, — архивных материалов, доступа к которым отец Иннокентий в то время, в 80-е годы, не получил.

Не успел он издать⁵ полностью имевшиеся у него деяния и труды Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. Первые два тома из намеченной серии изданы уже после его смерти Новоспасским монастырем.

Он возглавлял работу группы ученых-архивистов над многотомной серией под общим названием «История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России (аннотированный справочник-указатель)». При его жизни вышел из печати только 1-й том этого ценнейшего для историка труда (издание Новоспасского монастыря).

⁵ Архим. Иннокентий готовил переиздание, а не первое издание, так как Деяния уже были изданы сразу после Собора (Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. М., 1918; кн. 2, 3. Пг., 1918).

Им был подготовлен к печати, но не увидел свет интереснейший «Месяцеслов» — своеобразный труд известного историка и богослова, архиепископа Казанского и Свияжского Дмитрия (Самбикина; † 1908 г.)⁶. Причина была прозаической: началась инфляция и не нашлось денег на оплату бумаги и типографских расходов. Мы же лишились возможности получить талантливо выполненную работу, содержащую жития святых Православной Церкви, многочисленные и оригинальные сведения о церковных обычаях в связи с церковными праздниками, пояснения церковных терминов и трудных для понимания слов. Акцент в этой самобытной работе сделан на житиях святых, в том числе и местночтимых, на праздниках и Богородичных иконах Русской Православной Церкви.

Несбывшейся мечтой отца Иннокентия осталась патрология отечественных святых — святых Русской Православной Церкви. Но материалы для этой уникальной патрологии, каковой не было и пока нет еще на Руси, он собирал на протяжении многих лет. В последние годы он планировал издать отдельно труды своего Небесного покровителя — святителя Московского Иннокентия.

Сравнительно недолгое время (два или три года) отец Иннокентий состоял в братстве Успенского ставропигиального монастыря преподобного Иосифа Волоцкого, что примерно в 25 километрах от Волоколамска, и занимался там хозяйственными и восстановительными работами. Там же он трудился и в научном центре — Музее Библии, учредителем и основателем которого был митрополит Питирим. Среди экспонатов Музея — издания Библии и библейских книг разных времен и на многих языках, литература по библейской науке, работы по Библии предыдущих лет и многое другое, что связано со Святой Библией.

Произволением Божиим именно в этой обители с архимандритом Иннокентием случилась трагедия, которая, по-видимому, ускорила его кончину. Между 2-м и 3-м часами ночи 1 апреля 1993 года в настоятельском корпусе на него напали двое — уголовники, бандиты.

⁶ Этот труд впервые был издан в конце XIX в.: Месяцеслов святых, всей Русской Церковью или местно чтимых, и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и святых угодников Божиих в нашем Отечестве. Вып. 1—4. Тамбов, 1878—1883.

Они каким-то диким способом связали отца Иннокентия, вывернув ему руки и ноги, перетянули шею электрическим шнуром, так что он едва не задохнулся, и затем били — долго, зло и жестоко. «Били на смерть», — как сказал потом отец Иннокентий. Они требовали выдать им ценности (которых, естественно, не было), а с другой стороны, они вершили злобный акт мести. Дело в том, что незадолго до этой трагедии они просились в монастырь рабочими, и отец Иннокентий принял было их на испытательный срок. Но эти двое начали бесчинствовать в обители, о чем, как сказал бы святой апостол Павел, *и глаголати срамно еств*⁷, и на что этим двоим и было указано. Но они не унимались и продолжали свое. Отец Иннокентий отчислил их, так и не успев принять в штат рабочими.

О происшедшем в монастыре избиении отец Иннокентий подал подробный рапорт игумену монастыря высокопросвященному митрополиту Питириму. Но одновременно отец Иннокентий отказался от судебного преследования тех двоих. И в этом, как мы полагаем, он последовал примеру преподобного Серафима Саровского, также подвергшегося нападению со стороны двух разбойников и жестоко ими избитого. Для отца Иннокентия все происшедшее было серьезным испытанием его веры, его православного чувства, и, по нашему убогому разумению, он его достойно выдержал.

Господь сподобил отца Иннокентия в год его кончины особой милости: он провел некоторое время в древнем и знаменитом Киккском монастыре на Кипре, совершил паломничество в дни праздников Рождества Христова и Богоявления, Крещения Господня, во Святую Землю и молился на Голгофе и у Гроба Господня, побывал на священной горе Синай, в монастыре святой великомученицы Екатерины.

* * *

Он в чем-то походил на своих первых наставников и учителей — епископа Венедикта (Пляскина) и архиепископа Вениамина (Новицкого) — стойкостью характера, мужеством, честностью и многими другими качествами.

⁷ Еф. 5, 12.

Это были архипастыри совершенно разные по характеру, по их взаимоотношениям с людьми. Епископ Венедикт, как говорят, был жестче и менее терпелив, чем владыка Вениамин, который был мягок и добр. Но оба они испили полную чашу страданий в этой земной юдоли. Владыка Венедикт (в то время священник), как сказано в его биографии, составленной в наши застойные времена, с 1936 по 1941 год работал в гражданских учреждениях (читай: в лагерях) в Тюмени, а затем более года находился на одном из фронтов Великой Отечественной войны. В биографии владыки Вениамина был пропуск в отношении периода 1945 — конца 1956 года. Эти ничем не отмеченные в формуляре 12 лет он находился в советской тюрьме (тогда еще он не был епископом).

И вот что удивительно: пребывание в советских лагерях и тюрьмах не озлобляло церковных людей — узников совести и мучеников за веру Христову. Об этом говорили и они сами, и те, кто находился с ними в местах заключений. Они терпеливо несли на себе невероятно тяжкий груз несправедливого суда, несправедливого приговора и незаслуженных страданий. Несли, не взывая к отмщению и не требуя наказать своих мучителей,

Общение с такими архипастырями наложило отпечаток на характер отца Иннокентия, укрепило его православное мировоззрение, углубило его серьезность, вдумчивость, чувство ответственности за порученное дело, хотя сам он по природе был жизнерадостен, доброжелателен, обладал тонким чувством юмора.

Позже, будучи сотрудником Издательского отдела и редакции «Журнала Московской Патриархии» — редактором и издателем в церковном сане, — он много путешествовал по нашему Отечеству и посетил немало бывших мест заключений (в подобные действовавшие места священников тогда, в 60-е — 80-е годы, не пускали). Он взял себе за правило и придерживался его неуклонно: в каждом посещаемом городе или селении прежде всего бывать в храме и на кладбище и непременно посещать места, где похоронены узники совета и веры... Там он обязательно служил заупокойную литию и поминал поименно всех, кого знал, а об иных возносил общую молитву.

Впоследствии отцу Иннокентию довелось встречаться с очень многими церковными деятелями разных достоинств и положений, прошед-

шими через подобные горестные испытания. Из них назовем здесь два имени: бывшего оптинского инокa, богомудрого старца схиархимандрита Севастиана (Фомина; † 19 апреля 1966 г.), служившего в казахстанской Караганде, и митрополита Тетрицкарройского Зиновия (Мажуги; † 8 марта 1985 г.), иерарха Грузинской Православной Церкви, глубокого молитвенника и подвижника, окормлявшего паству русского Александрo-Невского храма в Тбилиси.

Отец Иннокентий проявлял особый интерес к братской православной Грузии, к грузинскому монашеству и старцам Грузии, к грузинским святыням и подвижникам. Он много раз бывал в Грузии, работал там с книгами и архивами. Несколько полок одного из стеллажей в его рабочем кабинете «на Погодинке» занимали книги на грузинском языке: творения отцов Грузинской Церкви, житийные, исторические, архивные и другие материалы.

Автору этих строк спустя 48 дней после кончины отца Иннокентия довелось встретиться и побеседовать с Предстоятелем Грузинской Православной Церкви — Святейшим и Блаженнейшим Католикосом-Патриархом Илией II. Было это в праздник Успения Пресвятой Богородицы, 28 августа 1994 года, в Армении на похоронах Патриарха и Католикоса Васгена I. На вопрос, знает ли он о кончине архимандрита Иннокентия, Святейший Илия ответил: «Да, знаю. И Грузия знает. — Молитесь, Святейший Владыка, о упокоении усопшего брата нашего Иннокентия. — Грузия любит его, помнит и молится о нем!» — таков был ответ патриарха Илии.

Но о нем молилась не только Грузия. О нем молились во Святой Земле и на Священном Синае, на Кипре и в Лондоне, в Афинах и на Святой Горе Афон, о нем молилась Москва и Московская область, Беларусь и Украина, Алма-Ата и Караганда, Санкт-Петербург и многие другие города и веси европейской части России, о нем молились Сибирь и Дальний Восток... О нем помнили и молились в Норильске. Этот город с короткой, но исполненной трагизма историей отец Иннокентий посетил дважды. Первый раз в декабре 1988 года для участия в праздновании городом 1000-летия крещения Руси. Отец Иннокентий внес посильный вклад в решение непростого вопроса открытия право-

славного Скорбященского прихода — первого прихода в этом заполярном городе стратегического значения. Норильчане нарекли архимандрита Иннокентия крестным отцом своего города.

* * *

Нелегко писать в прошедшем времени о человеке, с которым соприкасался на протяжении 36 лет практически ежедневно, без которого не представлял себе ни обыденной жизни, ни работы повседневной, совет которого воспринимал как чистое дуновение, как освежающий глоток чистой воды, ибо это были советы истинного монаха и пастыря и светлой души человека. У него было редкое по нашим меркантильным временам качество — доверие к людям, подлинно христианское, а значит искреннее послушание — подчинение властям и гражданским, и церковным. Но он постоянно сталкивался с мелочной расчетливостью, с равнодушием, даже с враждебностью и завистью. Против кого враждовали и чему завидовали?

Тому, что он работал до изнеможения почти круглые сутки, не зная выходных и отпусков? Или тому, что он работал последние несколько лет, будучи серьезно болен? Может быть, тому, что он многое в своей работе делал бескорыстно, нередко вкладывал в служебные, скажем так, дела свои же средства, порой оставаясь без денег и беря эти самые деньги в долг?

Неудачи последних лет отнюдь не содействовали укреплению здоровья отца Иннокентия и не прибавляли ему сил. Отчисление из Московских духовных школ, выселение из Водяной башни Троице-Сергиевой Лавры (в этой башне после ее ремонта за счет Издательского отдела он создал церковный научно-исследовательский центр), затем — отчисление из самой Лавры, дикое избиение двумя преступниками в Иосифо-Волоцкой обители... Не много ли для одного человека на протяжении всего лишь нескольких лет?!

В Новоспасском монастыре в Москве, где наместником является его ученик и друг архимандрит Алексей (Фролов)⁸, отец Иннокентий поселился в келье епископа Порфирия (Успенского; † 19 апреля 1985 г.).

⁸ Ныне архиепископ Костромской.

Большую часть времени отец Иннокентий проводил в келье лежа, много ходить он не мог, а если и ходил, то опираясь на палку.

Конечно, все мы знаем слова из Евангелия от Луки: *Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить, и понесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах...*⁹. Но в жизни мы не всегда бываем готовы должным образом воспринять эти священные слова. Верим, что они сбылись на брате нашем Иннокентии. Не случайно он не раз говорил своим ближайшим друзьям: «Не живи как хочется, а живи, как Бог велит».

Его отпевание было совершено тридцатью священниками разных достоинств во главе с архимандритом Алексием и с участием нескольких диаконов. Проститься с почившим к началу Божественной Литургии в обитель прибыл ее Священноархимандрит — Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в сопровождении своего викария епископа Истринского Арсения. За Божественной Литургией, а затем и на отпевании молился Высокопреосвященный митрополит Питирим, председатель Издательского отдела Московского Патриархата¹⁰. Он воздал последнее целование останкам своего ученика и сороботника. После отпевания торжественная погребальная процессия обошла с гробом вокруг Спасского собора и остановилась у открытой могилы напротив алтарной абсиды. Могильный холм был увенчан большим деревянным крестом и весь усыпан и уставлен цветами. На могиле были зажжены свечи.

Теперь всякий входящий в монастырь и идущий в Спасский собор непременно увидит и могилу, и крест на ней — могила оказывается по правую руку идущего в храм. И это прекрасно, ибо не только братия монастыря и те, кто знал отца Иннокентия, но и не знавшие его могут поклониться его могиле и вознести о нем молитву.

При жизни отец Иннокентий был постоянно окружен людьми: в Московских духовных школах это были семинаристы и студенты, профессора и преподаватели, в храме и монастыре — прихожане и братия,

⁹ Лк. 6, 22–23.

¹⁰ Скончался 4 ноября 2003 г.

в Издательском отделе — сотрудники и посетители. Бывали дни, когда поток посетителей к нему в его редакционный кабинет не прерывался ни на минуту. И он сам многих посещал — близких, друзей, особенно больных и немощных — как пастырь, как духовный наставник, а иных — как редактор и издатель, как общественный деятель. Паства его была весьма значительна, круг лиц, общавшихся с ним, был очень широк. После него остались не только его труды, осталась любовь к нему и память о нем в сердцах человеческих. Любовь самая глубокая, память самая искренняя, которую мы соединяем с молитвой и которую возглашаем как «вечную память».